

EDN JZYFKB

Партийное доминирование как новая конфигурация политического лидерства в условиях общества постмодерна

Ярошенко А. С.

Независимый эксперт, Москва, Российская Федерация; alexeyaro46@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена исследованию трансформации политических партий в наступившей эпохе постмодерна, которая характеризуется отказом от жестких идеологических принципов и переосмыслением институтов модерна. В подобных условиях партийное доминирование приобретает особую значимость как форма политического лидерства, способная ответить на фрагментированность социального пространства и переосмысление самого характера власти, все более опирающегося на медиатизацию и символическую коммуникацию.

Цель. Исследование направлено на выявление факторов, обуславливающих появление феномена партийного доминирования в постмодерне, а также на анализ эволюции идеологических и организационных моделей политических партий, продиктованных изменившимися условиями.

Методы. Исследование основывается на теоретическом анализе научных трудов, посвященных постмодернистским трансформациям общества. Автор использует сравнительный метод для анализа партийного доминирования в западных и модернизирующихся странах.

Научная новизна исследования. Автор предлагает комплексный взгляд на доминирующую партию как на институционализированную стратегию политического лидерства, предполагающую гибкость идеологических рамок и использование медиаресурсов. Новизна состоит в том, что феномен доминирования интерпретируется сквозь призму постмодернистских ценностей: отказа от жестких идеологических рамок, глобальной медиатизации и ситуативной идентичности избирателей.

Результаты. Показано, что именно постмодерн — с его децентрализованными дискурсивными практиками и смещенными социальными границами — создал уникальную среду для укоренения доминирования как устойчивой формы партийного влияния.

Выводы. Доминирование партий выполняет интегрирующую функцию в условиях постмодернистской фрагментации, обеспечивая социальную стабильность, воспроизводство ценностного консенсуса и минимизацию конфликтов.

Ключевые слова: партийное доминирование, доминирующие партии, партийные системы, политические партии, постмодерн, всеохватные (catch-all) партии, деидеологизация.

Для цитирования: Ярошенко А. С. Партийное доминирование как новая конфигурация политического лидерства в условиях общества постмодерна // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 41–49. EDN JZYFKB

Party Dominance as a New Configuration of Political Leadership in a Postmodern Society

Alexey S. Yaroshenko

Independent Expert, Moscow, Russian Federation; alexeyaro46@gmail.com

ABSTRACT

This article examines the transformation of political parties in the emerging postmodern era, characterized by a rejection of rigid ideological principles and a rethinking of modern-era institutions. Under these conditions, party dominance acquires particular significance as a form of political

leadership capable of responding to the fragmentation of the social sphere and the redefinition of the very nature of power, which increasingly relies on mediatization and symbolic communication.

Purpose. The study aims to identify the factors that account for the emergence of party dominance in the postmodern context and to analyze the evolution of the ideological and organizational models of political parties dictated by the changed circumstances.

Methods. The research is based on a theoretical analysis of scholarly works devoted to post-modern transformations of society. The author employs a comparative method to analyze party dominance in Western and modernizing countries.

Scientific Novelty. The author offers a comprehensive view of the dominant party as an institutionalized strategy of political leadership, implying flexible ideological frameworks and the use of media resources. The novelty lies in interpreting the phenomenon of dominance through the prism of postmodern values: the rejection of rigid ideological boundaries, global mediatization, and the situational identity of voters.

Results. It is shown that it is precisely postmodernity, with its decentralized discursive practices and shifting social boundaries, that has created a unique environment for entrenching dominance as a stable form of party influence.

Conclusions. Party dominance performs an integrative function in conditions of postmodern fragmentation, ensuring social stability, reproducing value consensus, and minimizing conflicts.

Keywords: party dominance, dominant parties, party systems, political parties, postmodern, catch-all parties, de-ideologization.

For citation: Yaroshenko A. S. Party dominance as a new configuration of political leadership in a postmodern society // Administrative consulting. 2025. N 4. P. 41–49. EDN JZYFKB

Введение

Современное партийное лидерство претерпевает радикальные изменения, связанные с переходом от модерна к постмодерну. Исследование этих изменений становится особенно актуальным в условиях глобальной фрагментации, деидеологизации и трансформации институтов власти. Отправной точкой анализа новой конфигурации партийного лидерства является осмысление процессов, происходящих в постмодернистском обществе, где традиционные структуры утрачивают устойчивость, а власть приобретает символический и медиатизированный характер.

Постмодерн не отказался от элементов модерна — он их деконструировал и эклектично реконфигурировал [13, с. 29–30]. Этим постмодерн отличается от модерна, который разрушал элементы традиционного общества [4, с. 154]. В результате такие институты модерна, как национальные государства, политические партии, профессиональные сообщества и другие, в постмодерне трансформируются в собственные симулякры [7, с. 43].

В эпоху модерна государственные институты характеризовались централизацией и иерархией [3, с. 220]. Основой власти служила рационально-правовая система, устойчивое разделение социальных ролей и иерархические управленческие структуры. Экономика модерна базировалась на индустриальном капитализме, крупных производствах и материальных активах. Поэтому ключевыми элементами общества модерна были социальные классы [10, с. 93].

Основой социальной интеграции являлись такие метанарративы, как идеи прогресса, рациональности, классовой борьбы, национальной идентичности и общественного договора [7, с. 18]. К. Мангейм указывает на классовую природу всех идеологий, которые исторически формировались как выражение интересов социальных групп. Поэтому лидерство партии могло принимать форму только однопартийной диктатуры и узурпации власти без прозрачных выборов, при которой идеология одного класса или одной социальной группы навязывается всему обществу [8, с. 437].

В условиях постмодерна происходит размывание классовых границ, ослабление идеологических структур и переход к сетевым формам власти и коммуникации. Ранее устойчивые механизмы политической мобилизации, основанные на классовой солидарности, утрачивают свою эффективность. Политические партии как институциональные посредники между обществом и государством оказываются перед необходимостью адаптации к новым условиям — нестабильности идентичностей, доминированию символических ресурсов и усилению роли медиапространства.

В ответ на эти вызовы формируется новая модель партийного лидерства — модель доминирования. В постмодернистской реальности именно доминирующая партия оказывается наиболее устойчивой и способной к интеграции общества в условиях фрагментации и неопределенности. Данный феномен проявляется как в западных демократиях, так и в модернизирующихся странах, где доминирующие партии становятся фундаментом сохранения государственности, стабильности и национальной идентичности.

Цель данного теоретического исследования — выявить закономерности формирования и устойчивости доминирующих партий в условиях постмодерна. Задачи работы включают: описание социокультурного контекста постмодерна; анализ трансформации политических партий; интерпретацию феномена деидеологизации; рассмотрение теории «catch-all» партий; а также исследование роли доминирующих партий в переходных обществах.

Теоретические основы

Настоящее исследование выполнено в теоретико-аналитической парадигме и носит междисциплинарный характер, опираясь на политическую философию, социологию власти, теории постмодерна и компаративистику. Основным методом является качественный сравнительно-теоретический анализ, направленный на выявление устойчивых характеристик партийного лидерства в условиях постмодерна. Исследование базируется на критической интерпретации философских и политологических концепций, а также на содержательном анализе научных трудов, посвященных трансформации партийных систем.

Методологическую основу составляют постструктуралистские и постмодернистские подходы, в частности концепция симулякра Ж. Бодрийяра, теория власти как дискурсивной практики М. Фуко, идея «жидкой современности» З. Баумана. Эти подходы позволили рассмотреть трансформации власти, идентичности и партийных структур в контексте постмодернистской культуры.

Анализ изменений в партийной системе осуществляется с опорой на концепцию деидеологизации политического пространства, сформулированную Р. Далтоном, а также на подходы к пониманию постматериальных ценностей в рамках «новой политики». Для объяснения эволюции партий от классовых к всеохватным (catch-all) используются положения теории О. Киркхаймера. Эти концепты применяются для выявления причин и механизмов отказа партий от жестких идеологических рамок в пользу технологических и коммуникативных стратегий.

Важную роль в методологической конструкции исследования играют сравнительно-политические подходы, использованные для анализа доминирующих партий в модернизирующихся и западных демократиях. В качестве эмпирико-теоретического материала рассматриваются работы Т. Пемпеля [28], О. Ройтера [30], Х.-Й. Пухле [29], Р.-Ж. Шварценберга [14], К. Темплмана [33] и др., в которых раскрываются механизмы кооптации, функции доминирующих партий и особенности их политической устойчивости в условиях фрагментированного общества.

Таким образом, сочетание постмодернистской методологии и сравнительно-политического анализа позволяет комплексно подойти к изучению феномена доминирующей партии в постмодернистском контексте, рассматривая ее как устойчивую форму политического лидерства в эпоху символического господства и сетевой власти.

Результаты

В результате проведенного теоретического исследования была выстроена обобщающая концептуальная модель, объясняющая устойчивость доминирующего партийного лидерства в постмодернистском контексте. Исследование показало, что переход от модерна к постмодерну сопровождается фундаментальными изменениями в устройстве власти, формах политической мобилизации и способах функционирования партийных систем. Эти изменения затрагивают как институциональную основу партий, так и социокультурную среду, в которой они действуют.

В сфере экономики в постмодерне осуществляется переход к цифровому капитализму и размывание трудовых отношений модерна, что проявляется в распространении гиг-экономики и нестабильности занятости [5, с. 185]. В результате этих изменений роль государства как регулятора экономических процессов заметно снижается [16, с. 41]. Высокие темпы экономического роста и масштабные социальные реформы существенно меняют общественную структуру [24, с. 68]. Происходит переход от «твердой» идентичности «гражданина» к «жидкой» идентичности «потребителя», основанной на индивидуальном самоопределении и отказе от коллективных ролей [16, с. 34]. В результате ослабевают экономические и социальные противоречия модерна, ранее бывшие основой для политической мобилизации [29, с. 60]. Масса демонстрирует гиперконформизм и сопротивляется любой реальной мобилизации [10, с. 142].

В условиях постмодернистского общества культура переходит от модернистской парадигмы объективной реальности к системе симулякров. Привычные нормы и ценности уступают место игре знаков и образов [2, с. 67]. Медиа утрачивают прежнюю роль нейтральных трансляторов объективных фактов [5, с. 713], превращаясь в механизм воспроизводства гиперреальности, в которой различие между реальным и симулированным стирается [10, с. 49]. Этот процесс сопровождается девальвацией знания, критерием которого становится рыночная привлекательность [7, с. 18]. В результате моральные ориентиры и социальные нормы определяются не их содержательной значимостью, а степенью их популярности [10, с. 47].

В политической сфере наблюдаются процессы размывания классов и развития информационного общества, приводящие к эрозии классических идеологий модерна [7, с. 12]. Политика постмодерна становится упрощенной и медиатизированной [1, с. 116]. Восприятие политики определяется не содержательной повесткой, а умением эффективно использовать медийные и культурные ресурсы [5, с. 685]. В результате политическая коммуникация и культура претерпевают фундаментальную трансформацию, выражающуюся в их фрагментации и потере универсальных ориентиров.

Политические партии адаптируются к новым условиям. Р. Далтон выделяет две тенденции: идеологическую переориентацию и деидеологизацию [19, с. 140]. Первая получила обозначение «новая политика» и связана с переходом к постматериальным проблемам [19, с. 134]. Уже к концу 1980-х гг. прошлого века постматериальные измерения были выявлены в 36 демократических партийных системах [24, с. 70].

Альтернативным направлением эволюции политических партий в постмодерне стала деидеологизация, означающая отказ от жестких идеологических рамок и про-

грамм в целом. Политические лидеры и партии в изменившихся социальных и коммуникативных условиях больше не могли опираться на содержание программ и концептуальные позиции. Стремление к расширению электоральной базы потребовало гибкости, поскольку строгая идеологическая привязка ограничивает политический маневр. В этом контексте деидеологизация выступила как рациональный ответ на кризис политической вовлеченности в постмодернистском обществе [20, с. 7].

Современные политические процессы приобрели технологический и информационный характер. Партии превращаются в бренды, а партийная пропаганда становится аналогом коммерческой рекламы [2, с. 121]. Используются стратегии сегментации аудитории, персонализированные подходы, алгоритмы прогнозирования электорального поведения. Основной упор делается на символические образы, визуальные и эмоциональные эффекты [12, с. 80].

Наиболее значимая теоретическая интерпретация деидеологизации — концепция «всеохватных» партий О. Киркхаймера. Массовые партии модерна с четкой классовой базой уступили место партиям, минимизирующим идеологические постулаты [23, с. 185; 26, с. 397]. К концу 1970-х гг. они стали повсеместным явлением [27, с. 2]. Киркхаймер выделил пять основных характеристик всеохватных партий. Во-первых, минимизация идеологических положений в риторике и программах. Во-вторых, структурное усиление руководства по отношению ко всем остальным звеньям партии. В-третьих, снижение востребованности рядовых членов партии в силу неактуальности их роли как агитаторов. В-четвертых, девальвация классовых и социокультурных признаков партии. В-пятых, коммуникация с разнообразными влиятельными группами для формирования широкой поддержки [23, с. 190].

Утрата социальной базы привела к поиску новых форм организационной и финансовой поддержки. Партийная деятельность переориентировалась на прагматизм и способность быстро адаптироваться к меняющимся ожиданиям [6, с. 117].

Фрагментация общества, размывание классов, индивидуализация и ситуативные идентичности способствовали упадку коллективной солидарности. Это обусловило переход политических партий к гибридным и универсальным формам политической интеграции, что, в свою очередь, повлияло на изменение их функций. Если в модерне партии выступали в роли посредников и «адвокатов» определенных социальных групп, то в постмодерне они стали выполнять роль интеграторов [23, с. 186]. Партии начали представлять интересы общества в целом, беря на себя ответственность за формирование и реализацию общенациональных приоритетов [35, с. 121]. Именно это во многом объясняет появление доминирующих партий в западных странах с развитой демократией.

Доминирующие партии возникают и в западных, и в модернизирующихся странах. В первых — в результате прогресса, во вторых — как ответ на катаклизмы [28, с. 341]. Несмотря на различия, они способствуют преодолению фрагментации и восстановлению целостности. В модернизирующихся обществах они предотвращают распад институтов [17, с. 30], координируют действия на всех уровнях [28, с. 343], формируют политическую систему и национальную идентичность [18, с. 12].

Доминирующие партии служат фундаментом нового порядка: обеспечивают преемственность, подавляют оппозицию, формируют коалиции элит [32, с. 1479]. Часто они централизуют экономику, используют патронаж, монополизируют ресурсы. При либерализации происходит рост региональных партий, как в Индии в 1990-х [31, с. 463]. Шварценберг выделяет три функции: национальная интеграция, модернизация, социальная гомогенность [14, с. 153–155].

Они координируют интересы, предотвращают частую смену власти, интегрируют элиты [22, с. 819–821; 30, с. 213]. Баланс между элитами и лидером поддерживается за счет кооптации — включения элит через распределение ресурсов и влияния [25, с. 196; 30, с. 118–120].

Эффективное информационное управление формирует единый дискурс, исключает дезинформацию, укрепляет доверие. Прозрачные выборы снижают конфликты [25, с. 124–127]. Политическое доминирование требует постоянной адаптации и модернизации [15, с. 597].

Обсуждение

Полученные результаты демонстрируют, что постмодерн трансформирует политическое пространство на уровне структуры власти, форм политической мобилизации и роли партий. Как подчеркивал М. Фуко, власть переходит от вертикальной структуры к сети дискурсивных практик, где управление осуществляется посредством производства знания [21, с. 132, 145]. Она утрачивает материальность и становится симулякр, существующим через знаки и представления [2, с. 55].

Эти сдвиги в устройстве власти сопровождаются изменениями в экономике: цифровой капитализм, гиг-экономика, нестабильность труда [5, с. 185] ведут к снижению регулирующей роли государства [16, с. 41]. Постиндустриальные преобразования разрушают классовые структуры и порождают индивидуализированные модели идентичности [16, с. 34; 24, с. 68]. Это ведет к деполитизации масс [10, с. 142] и размыванию социальной мобилизационной базы модерна.

Переход к симулякрам в культуре, по Ж. Бодрийяру, означает, что знание, мораль и политика подчиняются рыночной логике [7, с. 18; 10, с. 47]. Политика утрачивает содержательность, превращается в визуальный и эмоциональный продукт, создаваемый медиа [1, с. 116; 5, с. 685; 12, с. 80].

Таким образом, идеологии модерна теряют актуальность. Концепция «новой политики» и деидеологизация становятся адаптивными стратегиями в условиях фрагментированного общества [19, с. 134; 20, с. 7]. Киркхаймер правомерно трактует всеохватные партии как ответ на разрушение старой классовой базы [26, с. 397].

Доминирующие партии становятся институциональной реакцией на вызовы постмодерна. В модернизирующихся обществах они одновременно являются механизмами мобилизации и удержания государственности [17, с. 30; 28, с. 343]. Их миссия — компенсировать разрыв между фрагментированным обществом и необходимостью стабильности. Отсюда важность кооптации: распределение ресурсов и власти позволяет включить элиты и снизить уровень противостояния [25, с. 196; 30, с. 118].

Эти процессы подтверждают, что политическое доминирование — не архаичная форма, а современный механизм сохранения единства. Легитимность доминирующих партий основана не только на прошлом, но и на способности решать актуальные задачи [11, с. 107; 15, с. 597; 34, с. 102–103]. Исторические заслуги могут терять значимость, но партия, способная актуализировать ценности, сохраняет доминирующее положение даже в условиях конкуренции [17, с. 28, 36, 41].

Таким образом, феномен доминирующих партий следует трактовать не как исключение из демократии, а как функциональный элемент постмодернистской политической системы, отвечающий на вызовы фрагментации, нестабильности и кризиса коллективных идентичностей.

Заключение

Постмодернистское общество обусловило формирование новой модели партийного лидерства — доминирования, обусловленного отказом от жестких идеологических рамок и необходимостью постоянной адаптации к изменчивым социальным условиям. В результате трансформации институтов модерна, таких как национальные государства и политические партии, произошел переход от жесткой централизо-

ванной иерархии к сетевым и дискурсивным структурам. Власть при этом приобретает символический и медиатизированный характер, опираясь на управление образами и информационными потоками, а не на непосредственное принуждение.

Возникновение доминирующих партий как в западных демократиях, так и в модернизирующихся государствах является ответом на социальную фрагментацию и утрату коллективной солидарности. Такие партии выполняют интегрирующую роль, обеспечивая национальную консолидацию, экономическую и социальную модернизацию, а также воспроизводя социальную гомогенность.

Особое значение доминирующие партии приобретают в переходных обществах, где они становятся ключевыми институтами, ответственными за сохранение государственности и политической стабильности. В этих условиях партии обеспечивают необходимую политическую мобилизацию и консолидацию элит через механизмы кооптации, минимизируя внутренние конфликты и предотвращая политическую дестабилизацию.

Литература

1. *Андерсон П.* Истоки постмодерна / пер. с англ. А. Апполонова; Под ред. М. Маяцкого. М. : Территория будущего, 2011.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : Изд. дом «ПОСТУМ», 2015.
3. *Вебер М.* Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М. : Прогресс, 1990.
4. *Гидденс Э.* Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича; вступ. ст. Т. А. Дмитриева. М. : Изд. и консалт. группа «Праксис», 2011.
5. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019.
6. *Дюверже М.* Политические партии / пер. с фр. М. : Акад. проект, 2000.
7. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперим. социологии; СПб. : Алетейя, 1998.
8. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994.
9. *Островерхов А. А.* В поисках теории однопартийного господства: мировой опыт изучения систем с доминантной партией (II) // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. № 4 (87). С. 133–149. EDN UURBSS
10. *Павлов А. В.* Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. EDN ZTKKNU
11. *Стрельцов Д. В.* Системы доминантных партий: некоторые подходы к методологии исследования // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 105–118. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.07>. EDN YPDLWJ
12. *Тимофеева Л. Н.* Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции // Политическая наука. 2016. № 2. С. 74–100. EDN WCJRHR
13. *Хабермас Ю.* Политические работы / Сост. А. В. Денежкина; Пер. с нем. Б. М. Скуратова. М. : Праксис, 2005.
14. *Шварценберг Р.-Ж.* Политическая социология. Ч. 2 / пер. с фр. М., 1992.
15. *Arian A., Barnes S.* The dominant party system: a neglected model of democratic stability // The Journal of Politics. 1974. Vol. 36. N 3. P. 592–614. DOI 10.2307/2129246.
16. *Bauman Z.* Liquid modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.
17. *Bogaards M., Boucek F.* Dominant political parties and democracy: concepts, measures, cases and comparisons. London: Routledge, 2010. DOI 10.4324/9780203850114.
18. *Carty R. K.* The government party: political dominance in democracy (Comparative Politics). Oxford: Oxford Univ. Press, 2022. DOI 10.1093/oso/9780192858481.001.0001.
19. *Dalton R. J.* Citizen politics: public opinion and political parties in advanced industrial democracies. New York : Chatham House, 2002.
20. *Downs A.* An economic theory of democracy. New York : Harper, 1957.
21. *Foucault M.* Discipline and punish: the birth of the prison. New York : Vintage Books, 1995.
22. *Greene F.* The political economy of authoritarian single-party dominance // Comparative Political Studies. 2010. Vol. 43, no. 7. P. 807–834. DOI 10.1177/0010414009332462.

23. *Kirchheimer O.* The transformation of the West European party system // Political parties and political development / eds. J. LaPalombara, M. Weiner. New Jersey : Princeton Univ. Press, 1966. P. 177–201. DOI 10.1515/9781400875337-007.
24. *Lijphart A.* Electoral systems and party systems: a study of twenty-seven democracies, 1945–1990. Oxford : Oxford Univ. Press, 1994. 209 p. DOI 10.1093/acprof:oso/9780198273479.001.0001.
25. *Magaloni B.* Voting for autocracy: hegemonic party survival and its demise in Mexico. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2008. DOI 10.1017/CBO9780511510274.
26. *Neumann S.* Modern political parties: approaches to comparative politics. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1956.
27. *Pedersen M. N.* The dynamic of European party systems: changing patterns of electoral volatility // European Journal of Political Research. 1979. Vol. 7. N 1. P. 1–26. DOI 10.1111/j.1475-6765.1979.tb01267.x.
28. *Pempel T. J.* Uncommon democracies: the one-party dominant regimes. Ithaca : Cornell Univ. Press, 1990. DOI 10.7591/9781501746161.
29. *Puhle H.-J.* Still the age of catch-allism? Volksparteien and parteienstaat in crisis and re-equilibration // Political parties: old concepts and new challenges / eds. R. Gunther, J. R. Montero, J. J. Linz. Oxford : Oxford Univ. Press, 2002. P. 58–83. DOI 10.1093/0199246742.003.0003.
30. *Reuter O. J.* The origins of dominant parties: building authoritarian institutions in post-Soviet Russia. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2017. DOI 10.1017/9781316761649.
31. *Sharma C. K., Swenden W.* Economic governance: does it make or break a dominant party equilibrium? The case of India // International Political Science Review. 2020. Vol. 41. N 3. P. 451–465. DOI 10.1177/0192512119866845.
32. *Smith N. R., Slater D.* The power of counterrevolution: contentious origins of dominant party durability in Asia and Africa // American Journal of Sociology. 2016. Vol. 121. N 5. P. 1472–1516. DOI 10.1086/684199.
33. *Templeman K. A.* The origins and decline of dominant party systems: Taiwan's transition in comparative perspective. Ann Arbor : Univ. of Michigan, 2012. (Unpublished Ph. D. dissertation).
34. The awkward embrace: one-party domination and democracy / eds. H. Giliomee, C. Simkins. Abingdon : Taylor & Francis, 1999. DOI 10.4324/9780203989647.
35. *Ware A.* Citizens, parties and the state: a reappraisal. Cambridge: Polity Press, 1987.

Об авторе:

Ярошенко Алексей Сергеевич, политолог, политический консультант, независимый эксперт; alexeyaro46@gmail.com

References

1. Anderson P. The Origins of Postmodernity / transl. from Eng. by A. Appolonov; ed. by M. Mayatsky. Moscow: Territoriya budushchego, 2011. (In Russ.).
2. Baudrillard J. Simulacra and Simulation / transl. from Fr. by A. Kachalov. Moscow: POSTUM Publishing House, 2015. (In Russ.).
3. Weber M. Selected Works / transl. from Germ.; comp., ed. and afterword by Yu. N. Davydov. Moscow: Progress, 1990. (In Russ.).
4. Giddens A. The Consequences of Modernity / transl. from Eng. by G. K. Olkhovikov, D. A. Kibalchich; introd. article by T. A. Dmitriev. Moscow: Praxis Publishing and Consulting Group, 2011. (In Russ.).
5. Jameson F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism / transl. from Eng. by D. Kralechkin; scientific ed. by A. Oleinikov. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2019. (In Russ.).
6. Duverger M. Political Parties / transl. from Fr. Moscow: Akademicheskyy proyekt, 2000. (In Russ.).
7. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition / transl. from Fr. by N. A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 1998. (In Russ.).
8. Mannheim K. Diagnosis of Our Time. Moscow: Yurist, 1994. (In Russ.).
9. Ostroverhov A. A. In Search of the Theory of One-Party Dominance: The Global Experience of Studying Dominant Party Systems (II) // Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast [Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz]. 2017. N 4 (87). P. 133–149. EDN UURBSS. (In Russ.).
10. Pavlov A. V. Post-Postmodernism: How Social and Cultural Theories Explain Our Time. Moscow: Delo Publishing House of RANEPa, 2019. EDN ZTKKNU. (In Russ.).

11. Streltsov D. V. Dominant Party Systems: Some Methodological Approaches to Research // Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2017. N 3. P. 105–118. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.07>. EDN YPDLWJ. (In Russ.).
12. Timofeeva L. N. Political Communicativistics: Global and Russian Projections // Political Science [Politicheskaya nauka]. 2016. N 2. P. 74–100. EDN WCJRHR. (In Russ.).
13. Habermas J. Political Works / comp. by A. V. Denezhkina; transl. from Germ. by B. M. Skuratov. Moscow: Praxis, 2005. (In Russ.).
14. Schwarzenberg R.-J. Political Sociology. Part 2 / transl. from Fr. Moscow, 1992. (In Russ.).
15. Arian A., Barnes S. The dominant party system: a neglected model of democratic stability // The Journal of Politics. 1974. Vol. 36. N 3. P. 592–614. DOI 10.2307/2129246.
16. Bauman Z. Liquid modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.
17. Bogaards M., Boucek F. Dominant political parties and democracy: concepts, measures, cases and comparisons. London: Routledge, 2010. DOI 10.4324/9780203850114.
18. Carty R. K. The government party: political dominance in democracy (Comparative Politics). Oxford: Oxford Univ. Press, 2022. DOI 10.1093/oso/9780192858481.001.0001.
19. Dalton R. J. Citizen politics: public opinion and political parties in advanced industrial democracies. New York: Chatham House, 2002.
20. Downs A. An economic theory of democracy. New York: Harper, 1957.
21. Foucault M. Discipline and punish: the birth of the prison. New York: Vintage Books, 1995.
22. Greene F. The political economy of authoritarian single-party dominance // Comparative Political Studies. 2010. Vol. 43. N 7. P. 807–834. DOI 10.1177/0010414009332462.
23. Kirchheimer O. The transformation of the West European party system // Political parties and political development / eds. J. LaPalombara, M. Weiner. New Jersey: Princeton Univ. Press, 1966. P. 177–201. DOI 10.1515/9781400875337-007.
24. Lijphart A. Electoral systems and party systems: a study of twenty-seven democracies, 1945–1990. Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. DOI 10.1093/acprof:oso/9780198273479.001.0001.
25. Magaloni B. Voting for autocracy: hegemonic party survival and its demise in Mexico. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. DOI 10.1017/CBO9780511510274.
26. Neumann S. Modern political parties: approaches to comparative politics. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1956.
27. Pedersen M. N. The dynamic of European party systems: changing patterns of electoral volatility // European Journal of Political Research. 1979. Vol. 7. N 1. P. 1–26. DOI 10.1111/j.1475-6765.1979.tb01267.x.
28. Pempel T. J. Uncommon democracies: the one-party dominant regimes. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1990. DOI 10.7591/9781501746161.
29. Puhle H.-J. Still the age of catch-allism? Volksparteien and parteienstaat in crisis and re-equilibration // Political parties: old concepts and new challenges / eds. R. Gunther, J. R. Montero, J. J. Linz. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. P. 58–83. DOI 10.1093/0199246742.003.0003.
30. Reuter O. J. The origins of dominant parties: building authoritarian institutions in post-Soviet Russia. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017. DOI 10.1017/9781316761649.
31. Sharma C. K., Swenden W. Economic governance: does it make or break a dominant party equilibrium? The case of India // International Political Science Review. 2020. Vol. 41. N 3. P. 451–465. DOI 10.1177/0192512119866845.
32. Smith N. R., Slater D. The power of counterrevolution: contentious origins of dominant party durability in Asia and Africa // American Journal of Sociology. 2016. Vol. 121. N 5. P. 1472–1516. DOI 10.1086/684199.
33. Templeman K. A. The origins and decline of dominant party systems: Taiwan's transition in comparative perspective. Ann Arbor: Univ. of Michigan, 2012. (Unpublished Ph. D. dissertation).
34. The awkward embrace: one-party domination and democracy / eds. H. Giliomee, C. Simkins. Abingdon: Taylor & Francis, 1999. DOI 10.4324/9780203989647.
35. Ware A. Citizens, parties and the state: a reappraisal. Cambridge: Polity Press, 1987.

About the author:

Alexey S. Yaroshenko, Political Scientist, Political Consultant, Independent Expert; alexeyaro46@gmail.com

Поступила в редакцию: 21.04.2025

Поступила после рецензирования: 14.07.2025

Принята к публикации: 21.07.2025

The article was submitted: 21.04.2025

Approved after reviewing: 14.07.2025

Accepted for publication: 21.07.2025